

Вера Селезнева

РУССКИЙ ПАРИЖ

ЦЕРКОВЬ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ

Мы приехали в Париж поздней весной, накануне праздника Троицы. Каждый раз в этом городе меня охватывает странное чувство. Он мне не чужой. Наверное, примерно то же ощущали наши русские эмигранты, бежавшие сюда от революции, от ужасов Гражданской войны. Франция приютила их. Но жилось им несладко. А вы представьте себя в другой стране без денег, без дома, без забронированного заранее отеля, без обратного билета на Родину. Как в циничном анекдоте — «не путайте туризм с эмиграцией».

И все-таки они — беженцы из России — были живы, спасены, избежали репрессий, тюрем, расстрелов... Жизнь продолжалась. И для наших соотечественников она казалась немыслимой без православия, без духовной жизни в лоне Церкви. Это сейчас в Париже есть несколько русских храмов. А в ту пору не было ни одного. Проводили богослужения по частным квартирам, молились дома. Но мечта о настоящем храме, о кораблике, который возьмет на борт наших скитальцев, даст им утешение и поддержку, не покидала много-

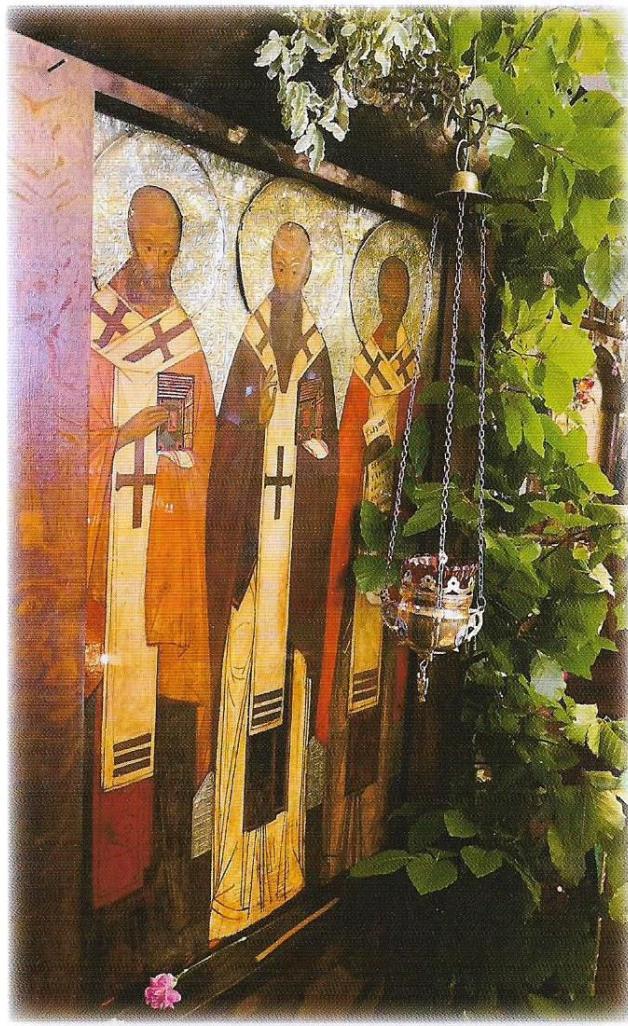
численных беженцев из России. Наконец они обрели его — в подвале жилого дома, где раньше находилась маленькая фабрика велосипедов. Это было в 1931 году. Служили в обстановке крайней бедности, а жертвовали прихожане в основном еду, хотя самим зачастую было есть нечего. У входа стояла картонная коробка, в которую клали продукты.

Позже дом был снесен, но владельцы земельного участка согласились разместить храм во вновь возводимом здании по тому же адресу. Но с одним условием.

...Мы блуждаем по переулкам в поисках «рю Петель, дом 5». Именно здесь, на улице с видом на Эйфелеву башню, находится маленькая, очень уютная русская церковь, стены которой помнят эмигрантов первой волны. Если не знать, что церквушечка эта снаружи выглядит совершенно неприметно, будешь искать глазами купола и пройдешь мимо этой обычной пристройки к жилому дому. Она напоминает с виду магазин или учреждение: такая «маскировка» была тем самым условием хозяев дома, когда они давали разрешение на постройку церкви, — она не должна выглядеть как церковь! И только небольшой крест

над входом и мозаика с изображением трех Святителей — Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста — укажут вам, что вы у цели.

Внутри все совершенно иначе. Тут уже сомнений нет: это православный храм. Иконы, фрески на стенах и такой знакомый запах. Как здесь хорошо и уютно, особенно на Троицу, когда все украшено зелеными ветками.

Народу много, но нам посчастливилось прийти раньше и встать в дальнем уголке, возле Иверской иконы Божией Матери. История этой иконы и ее появления в храме на рю Петель заслуживает отдельного рассказа.

УДАР КОПЬЕМ

У православных много чудотворных икон. Вы наверняка слышали про некоторые из них. Особенно любимы верующими людьми образы Богородицы: Владимирская Божия Матерь, Казанская, Иверская... «Их что, несколько?» — удивленно спросит несведущий человек, и его удивление будет понятно. Богородица-то одна. А зайдешь в церковь заказать ей молебен — тебя спрашивают: «Которой именно?» Чтобы лучше объяснить,

это как разные портреты одного и того же человека. Вот, например, есть портрет Пушкина работы Тропинина, а есть Кипренского. А еще — Серова, Репина, Ге и даже мариниста Айвазовского!

Иконы Божией Матери часто носят название либо по какой-то местности (Толгская, Смоленская, Тихвинская), либо по тому виду помощи, о котором ее чаще всего просят. «Прибавление ума», «Неупиваемая чаша», «Умягчение злых сердец» — тут и комментировать не надо. Просят, конечно, не саму икону, а Пресвятую Богородицу. Не будем забывать, что икона — это лишь посредник между нами и тем, кто на ней изображен. Но как не смотреть при этом ей в глаза, в такой сострадающий, сочувствующий тебе лик?

Но понимали это не все. Не понимал и император Феофил, правивший в IX веке Византией. По его приказу в дома приходили солдаты и отбирали иконы у верующих. Мол, ни к чему это, верьте так, в душе. А иконы мы сожжем, ведь это простая картинка, Бог не обидится. Одна благочестивая вдова, как могла, прятала у себя в доме образ Богородицы, но все же иконоборцы и до нее добрались. Женщина умоляла их уйти с миром, оставить ей икону и почти уговорила. Но за выкуп. Суммы, которую с нее требовали, у бедной вдовы не было. Она отправилась на поиски денег, немного одолжила у одного брата, немного у другого, но так и не собрала необходимого. Когда солдат пришел во второй раз и увидел жалкую горстку монет, он рассердился и метнул в икону копье. И тут же был ошеломлен: из подбородка Божией Матери, куда он попал, потекла настоящая кровь...

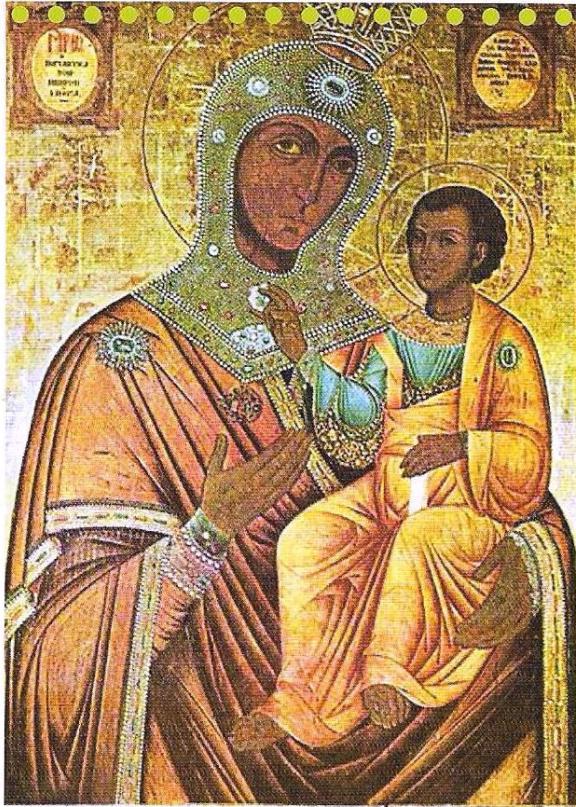
Если, дорогие читатели, вы увидите в церкви или в альбоме по искусству икону Богородицы со струйкой крови, стекающей с лица, знайте: это — Иверская.

А почему Иверская? Потому что она нашла приют в Иверском, то есть грузинском, монастыре на святой горе Афон, куда приплыла по морю. Желая спасти икону от дальнейшего поругания, вдова отправила ее по волнам, и та сама добралась до монастыря и явилась тамошним инокам. С тех пор она стала называться Иверской. Иверия, или Иберия, — старинное название Грузии, из которой родом были монахи.

Не поленитесь, найдите в Интернете чудесный мультфильм «Свет Неугасимый» об этой иконе.

ЧТИМЫЙ СПИСОК

Да, но при чем здесь Париж? Разве Иверская икона потом отправилась дальше и каким-то образом попала в столицу Франции? Нет, она находится на Афоне по сей день. Но у каждой известной иконы есть копии, их называют списками. И среди этих списков есть особо почитаемые, намоленные, чудотворные. То есть «чтимые». Практически приравненные к оригиналу, если можно так выражаться. Не каждый верующий попадет на Афон (да и в Париж тоже), но «чтимый список» того или иного образа найдется во многих точках мира.

Есть несколько читых списков и Иверской иконы. Один из них находится как раз в русском трехсвятительском храме Парижа. Как он туда попал? А вот как.

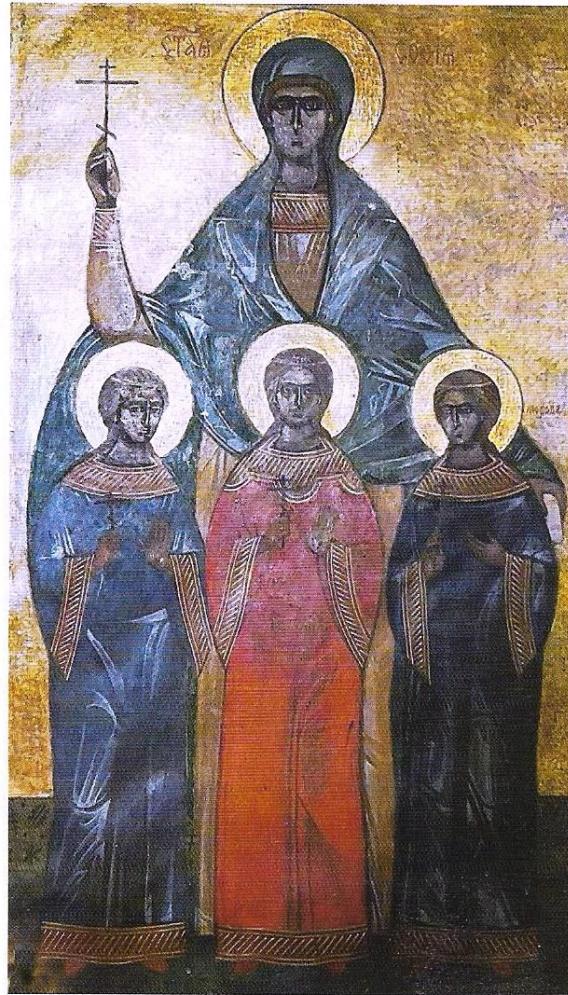
В 1812 году образ был вывезен войсками Наполеона из Москвы. А 120 лет спустя, когда в парижском подвале на rue Петель открылась русская церковь, приходу во что бы то ни стало нужна была хотя бы одна большая храмовая икона для того, чтобы служить. Настоятель храма епископ Вениамин (Федченков) нашел большой образ Иверской — тот самый — у местного антиквара. Но торговец запросил за нее целое состояние — 25 000 франков! В те годы в Париже очень приличной месячной зарплатой считались 250 франков... да только большинство прихожан не имели не то что приличной зарплаты, а вообще никакой! Собрать такие деньги было нереально. Через какое-то время батюшка снова пошел к антиквару и стал просить уступить в цене. Тогда продавец согласился отдать икону за 15 000, но с условием, что в течение трех дней за нее будет внесен залог, также очень большой.

И епископ обратился к пастве с горячей проповедью, которая оказала необычайное воздействие на прихожан. Люди принесли все, что имели. Например, деньги, отложенные на следующий месяц на аренду квартиры, рискуя остаться без крыши над головой. Но не остались! Так за три дня собрали сумму в размере залога, и антиквар разрешил забрать икону в храм. Но еще в течение долгих трудных месяцев за нее не могли окончательно расплатиться. Последний же, очень крупный недостающий взнос внесла одна прихожанка со... скажем так... сомнительной репутацией. Но, видимо, несмотря на это, вера ее была горячей, а сердце отзывчивым. Она продала свои ювелирные украшения,

и вырученные деньги как раз составили недостающую сумму. Икона была выкуплена! И по сей день она занимает почетное место в храме, каждый день выслушивая десятки горячих молитв.

Православные туристы, приехавшие в столицу Франции не только ради Эйфелевой башни и Диснейленда, обязательно найдут время и посетят эту церковь с интересной историей, поклонятся читому списку Иверского образа.

Есть в храме и другие интересные иконы. Да разве бывают «неинтересные»? Вот большой образ Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Вот Спиридон

Тримифунтский. А вот наша Матронушка — Матрона Московская. Как будто друзей встретили! Да так оно и есть.

...После службы мы дожидаемся священника:

— Батюшка, мы из России, из Москвы. Приехали посмотреть Париж. Благословите провести время с пользой.

Батюшка улыбается, благословляет нас.

Надо ли говорить, что вся наша поездка пролетела как одно удивительное мгновение!

(Окончание следует)

Вера Селезнева

РУССКИЙ ПАРИЖ

(Окончание)

СЕН-ЖЕНЕВЬЕВ-ДЕ-БУА

Ваши родители наверняка помнят эту песню, которую пел Александр Малинин в 90-е годы прошлого столетия. А стихи были написаны поэтом Робертом Рождественским в еще более далеком 1970 году.

Малая церковка, свечи оплавившие,
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие, бывшие,
Кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

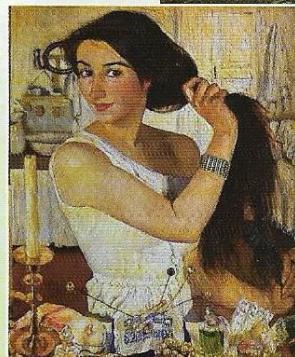
Эта песня звучит во мне, когда мы бродим по тихому, величественному и одновременно очень уютному русскому кладбищу в пригороде Парижа. Моросят дождь, добавляя нам минорного настроения. Здесь, под сенью вековых сосен, нашли покой многие наши великие соотечественники. Не все надгробия нам удалось разыскать, несмотря даже на приобретенный у входа путеводитель. Мы почтили память писателя и нобелевского лауреата Ивана Бунина и его жены Веры, художницы

Иван АЛЕКСЕЕВИЧ
БУНИН
IVAN BOUINNE
1870 - 1953

Зинаиды Серебряковой и ее семьи (помните картину «За завтраком», где вокруг стола сидят трое ребятишек?), супругов-литераторов Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус...

Больше всего мне хотелось посетить могилу писательницы Тэффи. Я так люблю ее прекрасные, смешные и грустные рассказы с тонкими психологическими наблюдениями. Ее

— А это что?

— А это собака. Ведь сама видишь, чего же пристаешь?

— А это что?

— А то, что ты — дура и убирайся к черту.

Нюшка заревела громко, с визгом. Прибежала мать, не расспрашивая, надавала ей шлепков и тут же извинилась перед Колей...».

Судьба Надежды Александровны Лохвицкой (Тэффи — псевдоним писательницы) в эмиграции была нелегкой, как и у всех наших соотечественников. В конце жизни она тяжело заболела, ее мучения облегчали сильнодействующие наркотические препараты.

Вдова Ивана Бунина принесла ей морфий, оставшийся после болезни и смерти мужа. Тэффи, еще умудрявшаяся шутить, воскликнула: «Нет большей любви, чем кто морфий отдаст брату своему!» Так она переделала евангельское изречение о том, что нет большей любви, чем кто душу отдаст за брата своего.

Я не могу удержаться и забираю на память шишку, лежащую на надгробной плите писательницы. Взамен зачем-то кладу туда другую шишку.

Мы идем дальше. На кладбище много могил белогвардейцев, они лежат группами — «алексеевцы», «дроздовцы», казаки...

Белая гвардия, белая стая,
Белое воинство, белая кость.
Влажные плиты травой зарастают.
Русские буквы — французский погост.

Я не за белых и не за красных. Но разглядываю эти надписи с ятами, читаю фамилии многочисленных Голицыных и Оболенских, Шереметевых и Юсуповых, княгинь и графинь, и мне безумно жаль людей, потерявших Родину, так любивших ее, видевших свое будущее и будущее России совершенно иначе.

Я прикасаюсь ладонью к истории,
Я прохожу по Гражданской войне...

«НЕТ У МЕНЯ ТЕПЕРЬ ДОМА»

Мы пробираемся между рядами надгробий. Вот могила художника Константина Коровина. Помните его картины в Третьяковской галерее? А портрет самого Коровина кисти его друга, художника Валентина Серова? Здесь, на Сен-Женевьев-де-Буа, Константин Алексеевич похоронен с супругой Анной Фидлер и сыном Алексеем. Судьба их семьи очень драматична. Сын Коровина был инвалидом и душевнобольным. Родители много занимались им, отец пытался социализировать сына, занимался с ним живописью, устраивал его выставки. Но после смерти родителей оставшийся без опоры 53-летний мужчина покончил с собой.

На надгробном кресте вы прочтете пронзительные слова — выдержку из воспоминаний Константина Коровина: «Я пишу о Фебе (собака художника. — В. С.), а на столе предо мной стоит большой серебряный бокал.

Это он получил на выставке и принес в дом мой. Я взял с собой этот бокал, уезжая из России. Нет у меня теперь дома. И жалею я, что не придется мне лежать там, в земле родной, рядом с лучшим другом моим, Фебом, там, в саду моем, где жила иволга. Может быть, еще в каких-то неведомых странах я возьму твою милую голову, Феб, поглажу, а ты мне пробормочешь по-собачьи, как прежде. Должно быть, Фебушка, ты хотел сказать мне, но не мог — хотел сказать, должно быть, про сердце чистое, про великую дружбу и святую верность».

А вот удивительное надгробие, словно покрытое пестрым восточным ковром. Это могила танцора балета Рудольфа Нуриева, невозвращенца, как называли в советские годы тех, кто выезжал за границу по работе, на гастроли и т. д. и оставался там навсегда. Это уже более

поздняя страница истории, 1961 год. Своенравный, виртуозный танцор — «летающий татарин» — попросил убежища у французских властей во время гастролей в Париже.

«Прыжок к свободе» — так называли бегство Нуриева (Нуреевым он стал в эмиграции) западные журналисты, и слово «прыжок» имело двойной смысл в отношении артиста балета. Но все было не так однозначно. Нуриев никогда не отзывался плохо о своей Родине и всячески подчеркивал в интервью, что если и выбрал свободу, то прежде всего свободу творчества. Карьера Нуриева в эмиграции сложилась блестяще, он исполнил почти все мужские партии классического балета, вошел в историю как один из самых ярких танцовщиков мира. Лишь в 1989 году, при Горбачеве, актеру разрешили посетить Россию, повидаться с близкими. Если бы он приехал раньше, его бы ждала тюрьма.

Мы подходим ближе к могиле танцора и видим, что пестрый ковер на самом деле каменный и выложен в виде искусственной мозаики. Нуриев сам завещал укрыть им свое надгробие, чуть ли не лично утвердил эскиз, и сам присмотрел себе место на кладбище. Только, оказывается, это не «ковер», а «занавес». Жизнь окончена, спектакль окончен, занавес!

Однажды Пьеру Берже, директору Гранд-опера, задали провокационный вопрос: почему Нуриев, татарин и человек неверующий, выбрал для последнего упокоения русское православное кладбище Сент-Женевьев-де-Буа? Пьер ответил так: «Звезда Рудольфа Нуриева взошла на парижском небосклоне. В Париже он умер и рядом с Парижем похоронен. Но он был русским артистом. А Сен-Женевьев-де-Буа — это нечто большее, чем Россия».

СВЯТАЯ ЖЕНЕВЬЕВА

Знаете, как переводится «Сен-Женевьев-де-Буа»? «Святая Женевьева в лесах». Именно в этом пригороде французской столицы в V веке родилась девочка, которая вошла в сонм христианских святых, стала покровительницей Парижа и... спустя полторы тысячи лет сыграла немалую роль в судьбе эмигрантов из России!

Юная Женевьева с детских лет была очень благочестива, любила молитву и уединение. Однажды мимо их дома проезжал святой Герман Осерский и, обратив внимание на маленькую девочку, сказал ее родителям, что их дочь избрана Богом. Спустя годы, после смерти родителей, молодая девушка переезжает к своей крестной в Париж. Там Женевьева принимает монашеский постриг, но, так как женских монастырей в то время было очень мало, она остается жить в миру, соблюдая все обеты.

Много раз она помогала парижанам. Когда на город надвигались полчища Атtilлы, вождя гуннов, разорявшего все на своем пути, жи-

Русская церковь

тели в страхе хотели бежать. Но святая уговорила их сохранять спокойствие и молиться вместе с ней. Вскоре Атила неожиданно развернул свои войска и ушел. Во время другой напасти — осады Парижа франками — в городе начался голод. На собственные средства Женевьевы снарядила несколько кораблей и отправилась вдоль Сены в поисках продовольствия. Ей удалось закупить в предместьях зерно, и каждый день монахини пекли из него хлеб и раздавали горожанам. Многие были спасены таким образом от голодной смерти.

Весть о «парижской деве» разнеслась далеко за пределы Франции. Ее современник, Симеон Столпник, святой из Сирии, передавал к ней просьбы о молитвах. Есть даже старинная икона, изображающая их вместе.

После земной кончины, а прожила Женевьеву довольно долгую по тогдашним меркам жизнь, около 80 лет, люди продолжали обращаться к ней за помощью. И получали исцеление от болезней, помочь в житейской нужде. Нетленные останки святой поместили в драгоценную раку. Во время эпидемий и других напастей горожане обходили Париж крестным ходом с мощами Женевьевы, и беда отступала.

В XVIII веке король Франции Людовик XV молит святую избавить его от тяжелой болезни. И обещает в случае «положительного решения» построить грандиозный собор в ее честь. Король выздоравливает. И, желая сдержать свое обещание, приглашает архитектора Суфло для строительства нового храма, так называемого Пантеона.

«Пантеон» в переводе с латыни означает «храм всех богов», за архитектурную основу был взят древнеримский языческий храм (ныне это храм Всех Святых). Однако это был именно христианский собор, посвященный святой. Стены украшали огромные росписи из ее жития. На портике высился барельеф с изображением Женевьевы и других святых. Строительство длилось около 40 лет и пережило не только самого короля, но и всю французскую монархию.

Грянула революция. Ее вожди, как позднее и наши революционеры, ненавидели религию. Собор Женевьевы Парижской был переделан в безликий и чудовищный «храм наций». Сбили барельеф со святыми на портике и поставили туда другой, революционный. Вместо алтаря соорудили скульптурную композицию, где Робеспьер и другие пламенные борцы кланяются некоей Марианне, олицетворяющей Французскую Республику.

Церковь Святого Этьена

< Святая Женевьевы и Симеон Столпник

Драгоценную раку, где хранились мощи Женевьевы, пустили на переплавку. А сами мощи в рамках борьбы с религиозными предрассудками... изрубили и сожгли. Прах сбросили в Сену.

«Я МОГУ ПОМОЧЬ ВАМ»

Чудом уцелел мизинчик святой. Этой частичке мощей, а также каменному гробу Женевьевы Парижской можно сегодня поклониться неподалеку от Пантеона (в него, честно говоря, и заходить неприятно), в маленькой очень красивой церкви Святого Этьена. Туда по-прежнему приходят верующие за помощью и утешением.

Вот только наши бедные эмигранты, которых спустя 128 лет после французской революции настигла революция в их собственной стране, видимо, ничего не знали о святой Женевьеве. И вот однажды в Париже благочестивой женщине из России приснился сон. К ней явилась святая и сказала:

— Почему вы, русские, никогда ничего у меня не просите? А ведь вы так плохо живете, у вас даже дома своего нет!

— Но кто вы?

— Я — святая Женевьевы, покровительница Парижа. И я могу помочь вам.

Пробнувшись, женщина рассказала о своем сне священнику. Тот вместе с прихожанами отслужил молебен святой. И вскоре власти Парижа... нет, не подарили, но разрешили купить русским эмигрантам участок земли в предместье Сен-Женевьев-де-Буа. Да-да, в том самом, откуда родом святая Женевьевы. А также выделили здесь участок муниципального кладбища для русских захоронений.

На земле вскоре был построен приют для нетрудоспособных одиноких стариков из России. А деньги на него появились вот откуда. Княгиня Вера Мещерская держала в Париже что-то типа института благородных девиц, где девушек обучали хорошим манерам. Одна из ее воспитанниц, англичанка, в день совершеннолетия получила от своих родителей чек на крупную сумму. И не потратила эти деньги на себя, а отдала их княгине со словами: «Я очень хочу помочь вашим соотечественникам, они так страдают».

И до сих пор в Сен-Женевьев-де-Буа существует этот дом престарелых, который официально так и называется — *maison Russe* — «русский дом». Мы хотели навестить стариков, купили пироги, пришли туда. К сожалению, к постояльцам нас не пустили, везде бюрократия и свои правила, что ж поделать. Но пироги обещали передать.

Автор благодарит Лидию Лихоту (Париж) за помощь в подготовке материала.

**КАТАЛОГ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»
ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:**

«лазурь» — 71984, 79381,
«свирель» — 73135, 71660,
«свирелька» — 72148, 48549,

«лазурь» + «свирель» + «свирелька»
(льготная подписка на три издания) — 47549, 48546.

**КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ
ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»
ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ:**

«лазурь» — 61973,
«свирель» — 24606,
«свирелька» — 61992.

